

УДК 811.111'25=161.1:821.111Gray

**СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА НА РУССКИЙ ЯЗЫК ЭЛЕГИИ Т. ГРЕЯ
“ELEGY WRITTEN IN A COUNTRY CHURCH-YARD”**

А. Г. Строилова, О. П. Тукмакова

**TRANSLATION STRATEGIES IN THE RUSSIAN TRANSLATION
OF ELEGY WRITTEN IN A COUNTRY CHURCH-YARD BY THOMAS GRAY**

A. G. Stroilova, O. P. Tukmakova

В статье анализируется история переводов стихотворения “Elegy Written in a Country Church-Yard” Т. Грея с точки зрения прагматики и межкультурной коммуникации. Рассмотрены различные этапы рецепции элегии в русской литературе: перевод фрагмента, буквальный перевод, перевод под влиянием масонской философии, вольный перевод. Знаменитый перевод Жуковского Элегия Т. Грея «Сельское кладбище» исследован в контексте общей истории восприятия этого произведения в России.

Ключевые слова: стратегии перевода, межкультурная коммуникация, сентиментализм, английская литература XVIII века.

The article analyzes the history of Thomas Gray’s «Elegy Written in a Country Church-Yard» translation in terms of pragmatics and intercultural communication. Several stages of elegy perception in the Russian literature have been reviewed: the translation of an abstract, literal (word-for-word) translation, translation influenced by masonic philosophy, liberal translation. Famous Zhukovsky’s «Selskoe kladbische (Country Church-Yard)» translation has been studied in the context of historical perception of this literary work in Russia.

Keywords: translation strategies, intercultural communication, sentimentalism, XVIIIth century English literature.

В настоящее время внимание современной филологии привлекает проблема перевода с точки зрения прагматики. В этом контексте важно изучение переводческих стратегий как «осознание конечной цели перевода и выбор в соответствии с этой целью определенной генеральной линии поведения — стратегии перевода, т. е. стратегии преобразования исходного текста» [4, с. 508]. Необходимо учитывать, что на определение цели перевода и, соответственно, на выбор стратегии переводчиком влияют различные лингвистические, литературные и культурные факторы. Особенности культурного диалога эпохи, в которую выполнялся перевод, являются одним из самых значительных факторов, влияющих на выбор стратегий. XVIII – XIX в России характеризуется интенсивным развитием межкультурных связей, что привело к усилению потребности в переводе и появлению различных видов перевода художественной литературы. Выбор стратегии в переводе мог повлиять на дальнейшую рецепцию того или иного произведения в русской литературе.

Рубеж XVIII – XIX вв. в России ознаменовался появлением и развитием нового литературного направления «сентиментализм». В истории сентиментализма в России особую роль сыграло стихотворение Т. Грея “Elegy Written in a Country Church-Yard” (1751). Первое обращение к нему датируется 1784 годом. С него началась история восприятия этой элегии в русской поэзии, последним этапом которой стали переводы В. А. Жуковского, сделанные в 1802 – 1839 гг. Представляет интерес рассмотреть более подробно рецепцию элегии Грея, на примере которой прослеживается становление поэтического перевода и освоение традиции английского сентиментализма в русской литературе конца XVIII – начала XIX вв.

Следует отметить, что в этот период в России английский язык не был широко распространен, и поэтому большинство первых русских переводов элегии Грея было сделано с помощью французского перевода П. Летурнера. Однако самый первый был выполнен с оригинала. Интересно, что после его опубликования в 1785 году прошло четыре года, прежде чем в 1789 году в журнале «Беседующий гражданин» появился следующий опыт перевода, созданный уже при помощи французского языка-посредника. Следующие варианты с промежутком в семь лет были напечатаны в журнале «Полезное и приятное препровождение времени» (1796), а затем в 1799 году в журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» (1799) [11, с. 208]. Некоторое время элегия Грея не привлекала большого внимания русского читателя. Но с 1801 по 1803 годы были опубликованы сразу четыре разных перевода этого стихотворения, интерес к английскому поэту заметно возрос, и влияние его на развитие русской элегии становится достаточно заметным. Как же изменились стратегии перевода этого произведения с момента первого к нему обращения?

Изначально в России был переведен лишь отрывок из элегии Грея. Это была заключительная эпитафия, опубликованная в журнале «Покойщийся трудолюбец» в 1784 году под названием «Эпитафия господина Грея самому себе». Автор перевода остается до настоящего времени неизвестным. Стратегия в выборе для перевода именно этой части стихотворения не была случайной, так как жанр эпитафии оформлял особое психологическое состояние, сочетавшее грусть от утраты и приятные воспоминания о том, каким был покойный при жизни. Это состояние приводило к размышлениям о жизни и смерти, к медитации и меланхолическому взгляду на жизнь вокруг. Подобные настроения и их эстетическое вопло-

щение соответствовали формирующемуся в России комплексу культуры сентиментализма.

Название опубликованной эпитафии говорит о том, что переводчик воспринял в этом фрагменте образ молодого поэта из английской элегии как проекцию самого Грея. Таким образом, ему была придана форма автоэпитафии, которая в данном случае выполняет роль финальной исповеди героя.

Переводчик достаточно точно следует за оригиналом, сохраняя деление на три строфы, но делает все же некоторые изменения. В тексте перевода появляется характерное обращение – «Прохожий!». В своей статье «Эпитафия-формульный жанр» В. Веселова говорит о том, что оно «сделалось своего рода знаком этого жанра». По ее словам, «столь важное для жанра эпитафии обращение к путнику / прохожему... устанавливает связь мира мертвых с миром живых» [3, с. 141]. Прохожий выступает в роли посредника между двумя мирами. Но отличие этой эпитафии заключается в том, что сама она не призывает прохожего задуматься над своей судьбой, как это было принято, а пытается привлечь его к судьбе героя-адресата, вызвать в нем сочувствие.

Показателен финал и оригинала, и перевода. В оригинале:

(There they alike in trembling hope repose)

The bosom of his Father and his God. [1, с. 43]

(Там они находятся в трепещущей надежде), у его отца и его Бога, [перевод наш. – А. С.]. В переводе:

Оне надеясь трепещут в сей юдоле,

Судьбы ждут своя от Бога своего! [12, с. 81].

В отличие от традиционной эпитафии, в которой почивший уже обрел вечный покой, здесь герой находится в состоянии ожидания, он надеется, то есть продолжает чувствовать, а значит, и жить. Таким образом, уже в первом переводе интерес русского автора вызывает появление нового героя.

Через год, в 1785, в этом же журнале появляется перевод всей элегии Грея. Автор перевода неизвестен. Этот первый перевод всего стихотворения был сделан с оригинала и был опубликован под названием «Кладбище. Елегия Греева.» В данном случае переводчик использует принцип транспозиции и переводит стихотворное произведение прозой, применяя распространенную в эту эпоху стратегию буквального перевода. Переводчик достаточно точно следует за оригиналом. В русле концепции буквалистского перевода, характерной для переводческой культуры XVIII века, в случае, если выбранное произведение воспринималось как образец, эстетический идеал, тогда оно переводилось с наибольшей точностью, в других случаях допускалось «исправление» оригинала. Стремясь сохранить текст Грея как образцовый, русский автор все же допускает некоторые изменения в тексте произведения.

Первый перевод элегии Грея означал еще только зарождающийся интерес к творчеству этого поэта. Русский переводчик, несомненно, был привлечен новыми художественными средствами, используемыми в оригинале, и, что еще более важно, новыми этическими и эстетическими идеями, которые были заявлены в элегии. В переводе была подчеркнута эмоциональная атмосфера. Настроение светлой печали оригинала было усилено при помощи особых акцен-

тов на сентиментальном вечернем пейзаже. Однако стремление к точности перевода текста приводило к тому, что в некоторых случаях терялась образность, эмоциональность произведения, буквальность перевода некоторых фрагментов так ослабляла его художественные достоинства, что автор пытался исправить это за счет усиления эмоционального настроения.

Как и в переводе эпитафии, для автора было важно утвердить нового героя, поэтому он делает особый акцент на такие его качества, как чувствительность, задумчивость. Мотив загробной жизни для русского переводчика не сопрягался со страхом (“*dread abode*” – страшное прибежище), как в оригинале, а воспринимался как почитаемое место, «до-стопочтенное их жилище» [12, с. 93], в котором герой находит покой.

После перевода эпитафии (1784) в течение следующих пятнадцати лет появилось еще четыре перевода элегии Грея. Все они были выполнены в прозе с французского посредника и не совершили больших изменений в восприятии этой элегии.

Следующий этап рецепции элегии начинается в первые годы XIX века, когда появляется сразу несколько переводов этого стихотворения. Автором одного из них был П. И. Голенищев-Кутузов. В отличие от предшественников, он переводит не одну эту элегию, а издает в 1803 году целый сборник переводов из Грея, но его переводы оцениваются и современниками и потомками достаточно скромно. И все-таки заслуга переводчика состояла в том, что он выполнил один из первых стихотворных переводов с оригинала, без помощи языка-посредника, то есть это был прямой контакт с английской культурой.

Одним из определяющих факторов, повлиявших не только на мировоззрение, но и на творчество П. И. Кутузова, является его принадлежность масонскому братству. Это повлияло на его переводческую деятельность. Философия масонства подразумевала использование особой символики, которая была понятна только избранным, то есть членам братства. Стратегия, которую Кутузов применяет в своем переводе, непосредственно связана с его принадлежностью масонству, так как при переводе он пытается внести дополнительный смысл, которого нет в оригинале.

В своем переводе элегии Грея Кутузов полностью сохраняет структуру и достаточно точно передает содержание оригинала. Замены, которые он делает в этом стихотворении, как и в других, на первый взгляд, незначительны, но они определенным образом меняют смысл. В некоторых случаях Кутузов совершенно по-своему развивает образы оригинала. Он вводит новые образы, основанные на масонской символике. Вместо “*naftow cell*” (узкая могила) был введен образ «гроба» [5, с. 111], который символизировал в масонской этике суетность, бренность земной жизни, напоминая о том, что всех ждет этот конец. В тексте перевода появился «храм». Как и для других масонов, для Кутузова строительство храма было метафорой пути духовного исправления и обретения новых истин. Таким образом, Кутузов вносил в эту элегию, как и в другие произведения Грея, новый тайный смысл, понятный лишь посвященным. Кутузов вводит мотив чувствительности. Чувствительность является в его

переводе важнейшей чертой, которая объединяет поэта и слушателя, отделяет их от остальных. В спорах с Карамзиным Кутузов отрицал необходимость развития сентиментализма в отечественной литературе. Тем не менее переводы Грея говорят о привлекательности образа нового «чувствительного» героя для автора перевода.

Работа Кутузова интересна еще тем, что это была одна из немногих попыток перевода практически всего творчества иноязычного поэта, что не было характерно для переводческой практики XVIII века. В это время делался перевод одного, наиболее известного произведения какого-либо автора, причем часто с языка-посредника, а не оригинала. Таким образом, Кутузов работает в направлении «погружения» в переводимого автора, это был принцип подхода, о котором гораздо позднее заговорил Белинский.

За два года до появления перевода П. И. Кутузова, элегию Грея перевел В. А. Жуковский. По некоторым данным, он начал работу над этим стихотворением еще во время своей учебы в Московском университетском пансионе в 1800 году [6, с. 433]. Как известно, Жуковский предложил свой первый перевод Карамзину для публикации в журнале «Вестник Европы», но Карамзин порекомендовал его доработать.

Каким же образом Жуковский первоначально воспринял эту элегию? И что он изменил в следующих своих редакциях?

Несомненно, первый перевод Жуковского можно назвать вольным. Жуковский увеличивает количество строк на тридцать семь, не использует деление на строфы, которое есть в оригинале. Можно сказать, что он допускает значительные изменения в своем переводе. Он меняет эмоциональную атмосферу элегии, усиливая все чувства героя, а также конкретизирует пейзаж. Присутствуют некоторые расхождения и в мировосприятии лирического героя.

Несмотря на то, что в переводе постоянно указывается на связь героя и мира природы, мы видим, что природа все же не дает ему утешения и спасения, герой оказывается чужд и этому миру тоже. Переживания, которыми переполнен герой, связаны не столько с его чувствительностью, со свойствами его сердца, сколько с его неудовлетворенностью жизнью, драматичным переживанием стремительности ее неостановимого беге. Последние строки эпитафии это отчетливо демонстрируют:

Прохожий! наша жизнь как молния летит!

Родись! – Страдай! – Умри! – вот все, что рок велит! [8, с. 49].

Из этого конфликта нет выхода в первом варианте перевода, даже смерть не приносит успокоения. Молодой поэт похоронен в «земле сырой», «он кончил трудный путь, путь зол и испытаний». После смерти поэт не приходит к Богу, как в оригинале. Последняя фраза утверждает бессмысленность жизни. С небесами в переводе связаны только поселяне, а сам поэт, хотя и не принадлежит к разряду знати, которой недоступно небесное, не получает утешения ни от земли, ни от неба.

Таким образом, как и в первом переводе, меняется жанровая специфика стихотворения. Медитация не

приносит успокоения, наоборот, усиливает переживания героя.

В 1802 году Жуковский сделал новый вариант перевода элегии Грея. Перевод был одобрен Карамзиным и опубликован в «Вестнике Европы» в том же году. Именно эта редакция перевода элегии привлекла так много внимания. Ее появление исследователи связывают с развитием сентиментализма в творчестве поэта. В данном случае, благодаря выбору именно этой «вольной» переводческой стратегии Жуковским, его перевод становится источником обогащения русской поэзии.

В этой редакции перевода Жуковский сделал серьезные изменения, можно сказать, переписал стихотворение заново. Он разделил произведение на строфы, состоящие из четырех строк, как и в оригинале. Но в русском варианте строф оказалось на три больше, чем в английском тексте.

Образ молодого поэта терпит кардинальные изменения во второй редакции. Жуковский отказывается от замены “thee” (ты) на «я» [8, с. 56]. Он оставляет вариант оригинала “thee” (ты), и появляется проблема определения, кем же является молодой поэт. Нет сомнения, что его образ воплощает в себе все черты лирического героя, из первых переводов видно, что его воспринимали только как самого поэта. Но использование местоимения «ты» указывает на то, что это не совсем точно. Поэт не просто смотрит на себя со стороны, он создает собственную проекцию, и сам оказывается и в роли сочувствующего слушателя, и в роли страдающего героя. Создается совершенно новая модель общения героя и его воплощения в произведении. Кроме того, герой также оживает в рассказе старого поселенца.

Сам образ молодого поэта, как показали предыдущие примеры переводов, оказался необычайно важным для литературного процесса того времени. Он раскрывает свое эмоциональное состояние и свое настроение через обращение к природе. Это обращение он подчеркивает сравнением. «Сыны роскоши» никак не связаны с миром природы, а поселяне трудятся на ее лоне и пользуются ее благами, и только поэт воспринимает природу как своего слушателя.

Русский поэт вновь использует слово «мечта», которое уже прозвучало у него в первом переводе, но там этот мотив был отнесен к лирическому герою, а здесь он наделяет качеством «мечтательности» слушателя. Мечта в данном случае не просто “contemplation” (задумчивость), а состояние, связанное с творчеством, то есть можно предположить, что «чувствительный» также является поэтом.

В отличие от первой редакции, слушателем становится не близкий друг героя, а любой слушатель, читатель, наделенный «чувствительностью». Слушатель становится более абстрактным, это очень важно, так как им может быть и сам поэт. Эта концепция близка к оригиналу, не считая введения слова «чувствительный» вместо “kindred spirit” (дружественный дух), то есть Жуковский выделяет конкретное качество, которое должно роднить героя и слушателя.

Эпитафия также претерпела значительные изменения по сравнению с первой редакцией и стала гораздо ближе к оригиналу. Могила героя становится местом объединения человека и Бога. Вспомним, что

в первой редакции эту функцию выполняла могила поселян. Могила называется «приютом от тревог», в отличие от оригинала, где она названа “dread abode” (страшное жилище), то есть в этой редакции перевода смерть становится утешающим началом, она помогает обрести покой. В третьей строке Жуковский говорит о том, что поэт оставил все греховное на земле, в то время как в оригинале при нем остались и грехи и добродетели.

Слова «Спаситель-Бог» в переводе означают, что именно в Боге спасение героя, а в оригинале Бог называется Отцом, то есть Создателем, или Творцом. Если сравнить этот перевод с первой редакцией, то очевидно, что в данном случае конфликт между героем и жизнью стоит не так остро и разрешается после его смерти, когда он оставляет все греховное и приходит к Богу.

Таким образом, можно сделать вывод, что перевод элегии Грея, сделанный Жуковским в 1802 году, стал открытием для русской литературы по нескольким причинам. Это было произведение, которое впитало опыт переводов прошлых лет, и вместе с тем оно приближало к Грею, в нем автор сумел передать более точно особенности оригинала, его жанровую специфику. Перевод Жуковского получил всеобщее признание в России, и стал известен в Англии, войдя в «Российскую антологию», изданную в 1821 году Джоном Баурингом [2, с. 575].

После несомненного успеха «Сельского кладбища» Жуковский еще раз обратился к переводу этой элегии, спустя почти сорок лет, когда в 1839 году посетил Англию и побывал на кладбище, описанном Греем в Элегии. Перевод был создан «под впечатлением от Греевой могилы, воспоминаниями об Андрее Тургеневе» и «глубокими раздумьями о путях развития европейской цивилизации, об истории и современности Англии, о соотношении буржуазного прагматизма и духовных ценностей, о своеобразии английской поэзии, открывшей мир человеческих чувств» [7, с. 719].

В новом варианте перевода Жуковский стремился как можно ближе и точнее передать оригинал, что, безусловно, ему удалось. Изменения, которые допустил теперь Жуковский, были минимальны. Но они очень хорошо подчеркивают, развивают и только немного меняют мотивы оригинала. Настроение лирического героя и его отношение к жизни уже не так близки молодому поэту, их единство здесь не так очевидно. Говоря о земной жизни, переводчик называет ее «эта земная, милая, смутная жизнь» [9, с. 316]. Можно сказать, это повзрослевший, зрелый человек, который философски смотрит на жизнь.

Разнообразие стратегий, применявшихся при переводе этого произведения, свидетельствует о том, насколько глубоко оно было воспринято русскими литераторами. Рецепция элегии Грея “Elegy Written in a Country Church-Yard” (1751) в русской поэзии была осуществлена несколькими поколениями переводчиков. Неослабевавший интерес к этому произведению был обусловлен нарастающим вниманием русской поэзии к «чувствительному» герою, близостью основных мотивов элегии английского поэта к новой концепции личности, которая развивается в русском сентиментализме.

Литература

1. Gray, Thomas. The complete poems of Thomas Gray English, Latin and Greek / T. Gray. – Oxford. 1966. – 200 p. Все цитаты из элегии “Elegy Written in a Country Church-Yard” приведены по этому изданию.
2. Астарова, К. Н. Комментарии / К. Н. Астарова, О. М. Савельева // Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского: в 2 т. – Т. 1. Сборник / сост. А. А. Гугнин. – М., 1985. – 608 с.
3. Веселова, В. Эпитафия – формульный жанр / В. Веселова // Вопросы литературы. – 2006. – № 2.
4. Гарбовский, Н. К. Теория перевода / Н. К. Гарбовский. – М.: Изд-во МГУ, 2004. – 544 с.
5. Голенищев-Кутузов, П. И. Стихотворения Грея /С английского языка переведенные Павлом Голенищевым-Кутузовым; с присовокуплением краткого известия о жизни и творениях Грея и многих исторических и баснословных примечаний. – М., 1803.
6. Жиякова, Э. М. Сельское кладбище. Элегия. Второй перевод из Грея / Э. М. Жиякова // Жуковский В. А. Примечания к текстам стихотворений. Т. 2. – М., 2000. – 839 с.
7. Жиякова, Э. М. Сельское кладбище // Жуковский В. А. Примечания к текстам стихотворений. Т. 1. – М., 1999. – 759 с.
8. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / В. А. Жуковский; гл. редактор А. С. Янушкевич. – Т. 1: Стихотворения 1797 – 1814 гг. – М., 1999. – 759 с.
9. Жуковский, В. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. / гл. редактор А. С. Янушкевич. – Т. 2: Стихотворения 1815 – 1852 гг. – М., 2000. – 839 с.
10. Кладбище / Элегия Греева // Покойщийся трудолюбец. – 1785. – Ч. 4.
11. Левин, Ю. Д. Восприятие английской литературы в России / Ю. Д. Левин. – Л., 1990.
12. Эпитафия господина Грея самому себе // Покойщийся трудолюбец. – 1784. – Ч. 1. – С. 81.